

Оглавление

Глава 1. Женщина в зеленом и мужчина в сером	3
Глава 2. Владыка Бесвилла	15
Глава 3. Дина Брэнд	28
Глава 4. Харрикен-стрит	41
Глава 5. Старый Элихью заговорил	54
Глава 6. Притон Сиплого	64
Глава 7. Вы связаны по рукам и ногам	74
Глава 8. Ставьте на Крошку Купера	86
Глава 9. Нож с черной рукояткой	92
Глава 10. Срочно требуются преступники обоего пола	105
Глава 11. Любопытная история	113
Глава 12. Это дело — особое	124
Глава 13. Двести долларов десять центов	135
Глава 14. Макс	144
Глава 15. Отель «Сидер-Хилл»	154

Глава 16. Джерри выходит из игры	166
Глава 17. Рено	173
Глава 18. Пейнтер-стрит	188
Глава 19. Мирные переговоры	193
Глава 20. Опиум	202
Глава 21. Семнадцатое убийство	214
Глава 22. Ледоруб	223
Глава 23. Чарлз Проктор Дон	237
Глава 24. В бегах	248
Глава 25. Виски-таун	256
Глава 26. Шантаж	263
Глава 27. Склады	273

Глава 1

ЖЕНЩИНА В ЗЕЛЕНОМ И МУЖЧИНА В СЕРОМ

Впервые Берсвилл назвал при мне Бесвиллом один рыжий детина по имени Хикки Дьюи в «Большом корабле», в Бате. Поскольку он и рубашку называл «убашкой», я не придал этому значения. Однако в дальнейшем я обнаружил, что Берсвилл называют Бесвиллом и те, кто произносит «р» вполне нормально. Но и тогда я счел это всего лишь безобидной шуткой. Спустя несколько лет я поехал в Берсвилл и убедился, что был не прав.

Прямо с вокзала я позвонил в «Геральд», попросил к телефону Дональда Уилсона и сообщил ему о своем приезде.

— Можете быть, у меня в десять вечера? — спросил он хорошо поставленным голосом. — Я живу на Маунтен-бульвар, 2101. На Бродвее сядете в трамвай, сойдете на Лорел-авеню и пройдете два квартала пешком.

Я обещал, что приеду. Затем поехал в гостиницу «Грейт Вестерн», оставил там вещи и вышел пройтись.

Красотой Берсвилл не отличался. У его архитекторов была явная слабость к кричащим цветам. Когда-то, возможно, город смотрелся, но со временем желтый дым, валивший из высоких кирпичных труб плавильного завода, выстроенного у подножия мрачной горы, выкрасил все дома в одинаково тусклые цвета. В результате получился уродливый сорокатысячный городишко, зажатый между тремя не менее уродливыми, покрытыми густым слоем сажи горами. Под стать городу было и нависшее над ним закопченное небо, которое ничем не отличалось от заводского дыма.

Первый же попавшийся мне полицейский был сильно небрит. У второго на поношенном кителе не хватало пары пуговиц. А третий стоял на самом оживленном городском перекрестке и регулировал движение с сигаретой в зубах. После этого я перестал обращать на них внимание.

В девять тридцать я сел на Бродвее в трамвай и поехал по адресу, который дал мне Дональд Уилсон. Через полчаса я уже стоял у ограды углового дома.

Служанка, открывшая мне дверь, сообщила, что мистера Уилсона нет дома. Пока я пытался втолковать ей, что мистер Уилсон сам назначил мне прийти в это время, в прихожую вошла стройная блондинка лет тридцати в зеленом шерстяном платье. Улыбка никак не вязалась

с ледяным взглядом ее больших голубых глаз. Пришлось повторить все сначала.

— Мужа сейчас нет. — Она говорила с легким акцентом. — Но раз вы с ним договорились, значит, он скоро будет.

Мы поднялись по лестнице и вошли в комнату, выходящую на Лорел-авеню. Темная мебель, много книг. Она усадила меня в кожаное кресло у камина, сама села напротив, вполоборота ко мне, и приступила к допросу:

— Вы живете в Берсвилле?

— Нет, в Сан-Франциско.

— Но вы здесь уже бывали?

— Нет.

— Правда? И как вам наш город?

— Пока трудно сказать, — соврал я. На самом деле сказать было легче легкого. — Я ведь только сегодня приехал.

— Место жуткое, сами увидите. — Она на мгновение опустила свои большие голубые глаза, а затем допрос продолжился: — Промышленный город, ничего не поделаешь. Вы горный инженер?

— Не совсем.

Она покосилась на каминные часы и сказала:

— Дональд повел себя не лучшим образом. Пригласил вас, а сам ушел. Да и время для деловой встречи он выбрал не самое удобное.

— Ничего страшного.

— Впрочем, может, у вас не деловая встреча?

Я промолчал.

Она язвительно хмыкнула.

— Я, наверное, ужасно надоела вам своими расспросами, — весело сказала она. — Но вы сами виноваты — молчите, вот и заинтриговали меня. Вы, случаем, не бутлегер? Сколько их у Дональда перебивало — не сосчитать.

Я только загадочно улыбнулся — понимай, мол, как знаешь.

Внизу зазвонил телефон. Миссис Уилсон вытянула к огню длинные ноги в зеленых домашних туфлях и сделала вид, что не слышит звонка. Почему — неизвестно.

— Боюсь, мне... — начала она, но тут в дверях появилась служанка, которая поднялась наверх позвать хозяйку к телефону.

Миссис Уилсон извинилась, вышла вместе со служанкой в коридор, но вниз не пошла, а взяла отводную трубку.

— Говорит миссис Уилсон, — услышал я. — Да... Что, простите?.. Кто? Пожалуйста, говорите громче... Что?! Да... Да... Кто это?.. Алло! Алло!

Трубка с грохотом упала на рычаг. Послышались удаляющиеся шаги. Быстрые шаги.

Я закурил. Пока она бежала вниз по лестнице, я тупо вертел в руках сигарету. Затем подошел к окну, отодвинул край занавески и выглянул на Лорел-авеню. За домом, прямо под окном, находился квадратный белый гараж.

Тут я увидел, что от дома к гаражу торопливо идет стройная молодая женщина в темном плаще и шляпе. Это была миссис Уилсон... Уехала она в двухместном «бьюике». А я вернулся к камину и стал ждать.

Прошло три четверти часа. В пять минут двенадцатого перед домом взвизгнули тормоза. Через две минуты в комнату вошла миссис Уилсон. Без плаща и без шляпы. Лицо белое, глаза почернели.

— Извините, пожалуйста, — выдавила она из себя, и ее крепко сжатый рот исказила судорога. — Но вы прождали зря. Мужа сегодня не будет.

Я сказал, что утром позвоню ему в редакцию. Спускаясь по лестнице, я ломал себе голову, почему зеленый носок ее левой туфли потемнел и намок. Уж не от крови ли?

На Бродвее я сел в трамвай. Сойдя на остановке, находившейся в нескольких минутах ходьбы от моей гостиницы, я увидел, что у бокового входа в здание муниципалитета стоит толпа.

У двери с надписью: «Полицейское управление» собралось человек тридцать—сорок мужчин и несколько женщин. Кого тут только не было: еще не снявшие комбинезоны рудокопы и плавильщики, расфранченные завсегда и билльярдных и дансингов, холеные мужчины

с сытыми бледными лицами, добропорядочные мужья с постным видом, такие же добропорядочные и скучные жены, а также несколько шлюх.

Вклинившись в толпу, я встал рядом с коренастым человеком в измятом сером костюме. Серым, впрочем, был не только его костюм, но и лицо, и даже полные губы, хотя на вид ему было немногим больше тридцати. Крупные черты, умные глаза. На серой фланелевой рубашке алел широкий красный шелковый галстук.

— Что случилось? — поинтересовался я.

Прежде чем ответить, он внимательно изучил меня, словно хотел убедиться, что информация попадет в надежные руки. Глаза у него были такими же серыми, как и костюм, только жестче.

— Дон Уилсон отправился в гости к Всевышнему. Пусть на небесах полюбуются, сколько в него пуль всадили.

— Кто его убил? — спросил я.

— Убийца, — ответил «серый», почесав в затылке.

Но мне нужны были факты, а не хохмы, и я бы попытал счастья с кем-нибудь другим из толпы зевак, если бы меня не заинтриговал его красный галстук.

— Я в этом городе никого не знаю. Сделайте доброе дело — просветите меня, — попросил я.

— Дональда Уилсона, эсквайра, редактора двух газет, утренней «Морнинг геральд» и вечерней «Ивнинг геральд», нашли убитым на Харрикен-стрит. Убийца скрылся, — монотонной скороговоркой диктора пробубнил он. — Теперь, надеюсь, вы удовлетворены?

— Более чем. — Я выставил палец и коснулся кончика его галстука. — Вы в этом галстуке случайно или нет?

— Я — Билл Квинт.

— Не может быть! — воскликнул я, лихорадочно соображая, кто бы это мог быть. — Очень приятно.

Я стал рыться в бумажнике в поисках подходящей визитной карточки — они у меня имелись на все случаи жизни. Вот эта, красная, пожалуй, подойдет. Из нее следовало, что я — Генри О'Нил, моряк, активный член профсоюзной организации «Индустриальные рабочие мира». Все — ложь от начала до конца.

Я вручил карточку Биллу Квинту. Он внимательно изучил ее, повертел, затем вернул и еще раз пристально оглядел меня с головы до пят. Доверия я у него явно не вызывал.

— Все там будем, — глубокомысленно заметил он. — Вам в какую сторону?

— В любую.

Мы пошли по улице и завернули за угол; по-моему, нам обоим было совершенно безразлично, куда идти.